

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. М. ШАНСКИЙ

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ РУССКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

1. Вводные замечания

Нет особой нужды доказывать необходимость создания нового этимологического словаря русского языка, особенно сейчас, когда так много сделано в области исторической лексикологии и словообразования, а также этимологии русского и других славянских языков как в нашей стране, так и за рубежом.

Созданный более сорока лет назад словарь А. Преображенского, а также и недавно появившийся словарь М. Фасмера¹, являясь ценнейшими справочными пособиями по русской этимологии, каждый по разным причинам полностью не могут удовлетворить сейчас ни специалистов, занимающихся русским языком, ни широкие массы читателей, интересующихся этимологией. Это объясняется как специфическими особенностями словариков указанных словарей, так и содержанием и структурой их словарных статей. Ни в словаре Преображенского, ни даже в словаре Фасмера читатель не найдет реально-исторической картины происхождения всех общеупотребительных слов книжной и разговорной лексики современного русского языка.

Совершенно правильным является замечание Фасмера о том, что при составлении нового этимологического словаря русского языка следует обратить особое внимание на слова, отмеченные им как неясные². Однако было бы совершенно неверным ограничиться этим. Помимо того, что многие для Фасмера совершенно несомненные этимологии требуют пересмотра или нуждаются в серьезных уточнениях, новый словарь в некоторых аспектах должен быть построен иначе, чем прежние, и как определенный лексикографический труд.

С одной стороны, такой этимологический словарь не должен быть оторван от установившихся этимологических и лексикографических традиций. В нем должны быть органически слиты и с исчерпывающей полнотой отражены все новейшие достижения русской и зарубежной этимологии и лексикографии, представленные в общих трудах, специальных работах, частных статьях, диссертациях и т. д. Особенно важным и необходимым в этой связи представляется, конечно, учет практической работы последних лет по составлению этимологических словарей славянских и других индоевропейских языков (в особенности романских).

С другой стороны, такой этимологический словарь должен серьезно отличаться от прежних этимологических словарей русского языка как своим объемом, так и своей структурой и, соответственно, характером сло-

¹ А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, М., 1910—1914; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch (REW), Heidelberg, 1953—1958.

² См. REW, Bd. III, стр. 506—507.

парных статей. Он не может быть переработанным и расширенным изданием словарей Преображенского и Фасмера (хотя в него и войдет все, что есть в них ценного), он должен быть **этимологическим словарем словообразовательно-исторического характера**.

Поскольку принципиальной разницы между специальным и популярным типами этимологических словарей не существует (лексикографически они должны отличаться друг от друга лишь отбором и методикой подачи объясняемого материала), ясно, что специфические особенности этимологического словаря словообразовательно-исторического характера могут быть раскрыты только в том случае, если будет четко определен его объем и детально описана его структура. Определить принципы построения этимологического словаря, касаясь только вопросов о составе словника и не затрагивая вопросов о специфике словарной статьи (как пытался это сделать недавно О. Н. Трубачев¹), совершенно невозможно.

2. Объем словаря: объект этимологического анализа, состав словника

Состав словника этимологического словаря зависит от того, что считается объектом этимологического анализа.

Очень распространенным является мнение, что в качестве заглавных слов в этимологическом словаре могут выступать только слова, пережившие процесс полного опрощения своей основы и осознающиеся сейчас как исконно корневые. Согласно нашей точке зрения, объектом этимологического анализа должны быть все слова лексической системы языка, словообразовательный анализ которых не дает ответа на то, каково их происхождение (независимо от степени их «прозрачности!»). В качестве слов, требующих этимологического анализа, выступают тем самым такие слова, которые или не являются исконными в данной лексической системе языка (заимствования, словообразовательные и семантические кальки), или деэтимологизировались и изменили свою морфологическую структуру.

Не требуют этимологического анализа исконные слова (т. е. слова, возникшие в русском языке или унаследованные им из более древнего языкового источника), о происхождении которых ясно говорит словообразовательный анализ, устанавливающий их морфологическую структуру и место среди других слов современного языка с точки зрения существующей системы словообразования (ср. слова *тигрица*, *атомный*, *соавтор*, *сформировать*, *медсестра* и т. п.).

Для таких слов этимологический анализ практически совпадает с анализом словообразовательным². Такое совпадение словообразовательного анализа с этимологическим объясняется тем обстоятельством, что в настоящее время эти слова членятся на части так же, как членились в то время, когда появились в данном языке.

В соответствии с изложенным выше в словник этимологического словаря русского языка должны быть включены все общеупотребительные слова современного русского литературного языка, которые (независимо от их морфологического строения) требуют этимологического объяснения; не только слова корневые (вроде слов *луна*, *зверь*, *пол*, *белый*, *дым*, *пить*, *есть*, *язык* и др.), но и явно производные (вроде *кустарник*, *гуманность*, *отчизна*, *жилище*, *горячность*, *фальшивый*, *мудрость*, *чистота*, *плотность*, *отщепенец*, *завязтый*, *голытьба*, *небоскреб*, *арестовать*,

¹ О. Н. Трубачев, Принципы построения этимологических словарей славянских языков, ВЯ, 1957, № 5.

² О последнем см. нашу статью «О принципах словообразовательного анализа», «Русский язык в национальной школе», 1958, № 4.

сухощавый и т. п.¹), не только, например, слово *целый*, но и слова *целбный*, *целовать*, *целиком*, *целовальник*, *целить*, *целомудрие*, *целковый*, *целостность*² и т. д.

Необходимость этимологического объяснения для слова определяется не тем, какова его современная морфологическая структура (она может быть самой различной), а тем, какой была его реальная история в данном языке.

Таким образом, в качестве заглавных слов, имеющих каждое свою особую статью, в новый этимологический словарь русского языка и з о б щ е у п о т р е б и т е л ь н о й к н и ж н о й и р а з г о в о р н о й л е к с и к и современного русского языка должны быть обязательно включены: 1) все исконно русские слова, имеющие в настоящее время непроеизводную основу; 2) все исконно русские слова с производной основой, пережившие деэтимологизацию или изменение своей морфологической структуры (процессы опрощения, переразложения, усложнения, декорреляции и т. д.)³; 3) все заимствованные слова, независимо от характера словообразовательной структуры их основы; 4) все словообразовательные и семантические кальки, о которых достоверно известно, что это кальки.

Некоторые считают нецелесообразным включение в словник этимологического словаря таких слов, которые являются кальками и производными по структуре заимствованиями, ссылаясь на то, что наши знания о таких словах случайны и относятся к числу редких находок. Думается, совершенно верно игнорировал в своем словаре этот «аргумент» Фасмер, разъясняющий — пусть непоследовательно — как отдельные кальки, так и некоторые производные иноязычные слова.

Из сказанного ясно, что, с точки зрения морфологической структуры слов, которые включаются в словник, этимологический словарь словообразовательно-исторического характера должен коренным образом отличаться от словаря Преображенского, представляющего собой собственно этимологический словарь общеупотребительных корней русского языка. Ведь в последнем в качестве заглавных слов, как правило, выступают такие слова, как *алкать*, *багор*, *верста*, *город*, *дождь*, *искра*, *карта*, *ласка*, *межа*, *тело*, *удить*, *частый*, *юг*, *язык* и т. п., и очень редко — такие, как *сословие*, *боярышник*, *синица*, *захолустье*, *разгильдяй*, *брусника*, *прапорщик*, *ревматизм*, *ошеломить* и т. п.

В новом этимологическом словаре должен последовательно проводиться тот принцип объяснения этимологически неясных слов в отдельной

¹ Слово *кустарник* сейчас соотносится со словом *куст*, в связи с чем в нем выделяется нерегулярный суффикс *-арник*, но образовано оно от ныне исчезнувшего из употребления слова *кустарь* «кустарник»; слова *гуманность* и *плотность* являются не производными от прилагательных *гуманный* и *плотный*, а соответственно первое — полтавской В. Г. Белинского немецкого слова *Humanität* (впервые встречается в 1841 г. в одном из писем к Боткину), второе — калькой А. Д. Кантемира французского слова *solidité* (впервые встречается в переводе книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров»); слова *жилице*, *горячность*, *сухощавый*, *голытьба*, соответственно выделяющие сейчас суффиксы *-лице*, *-ность*, *-ощавый*, *-ытьба*, на самом деле образованы от слов *жило*, *горячий*, *сухость* — *сухоци*, *голыдь* (ср. *злыдень*) при помощи суффиксов *-ице*, *-ость*, *-авый*, *-ба*; слова *фальшивый* и *арестовать*, воспринимаемые сейчас как производные от *фальш* и *арест*, были заимствованы русским языком как целые словарные единицы из польского; слова *отчизна*, *отщепенец*, *завязтый* не образовались в русском языке, а пришли в него из литературного украинско-белорусского языка (так называемого литературного языка Юго-Западной Руси); слова *мудрость* и *чистота*, осознающиеся как исконно русские образования от *мудрый* и *чистый*, пришли в наш язык из старославянского языка, где они возникли как кальки с греческих слов *σοφία* и *καθαρότης*; слово *небоскреб* является калькой с соответствующего по структуре английского слова *skyscraper* и т. д.

² Калька В. Г. Белинского немецкого слова *Ganzheit*. Едва ли не впервые встречается в его рецензии 1839 г. на статью Юдицкого «Способ к распространению шелководства».

³ О них см. нашу статью «Изменения в морфологической структуре слова», «Р. яз. в шк.», 1959, № 4.

статье (независимо от их структуры), который, правда, от случая к случаю — в связи со стремлением автора дать, насколько это возможно, реально-историческую картину происхождения слова — проводится в словаре Фасмера¹. Совершенно ясно, что в этом словаре в качестве заглавных слов не будут выступать встречающиеся как у Преображенского, так и у Фасмера бесприставочные «корпи» типа - *дуге*, - *кука*, - *скреп*, - *креснуть*, - *чезнуть*, - *лыбить* т. п.: объясняться будет только реальное слово.

Русский этимологический словарь словообразовательно-исторического характера может быть различным по своему типу (это зависит от того, для кого он предназначен), но он обязательно должен быть этимологическим словарем русского языка. Лексическое своеобразие русского языка создается не только спецификой развития и использования общеславянских слов, но и лексикой по времени возникновения восточнославянской или собственно русской. Поэтому считать русским этимологическим словарем словарь, словник которого в подавляющей массе будут образовывать общеславянские слова, нельзя. Отсутствие в словнике многих требующих этимологии слов активного запаса современной литературной лексики и преобладание в нем общеславянских слов волей-неволей придаст словарю (как это можно отметить для словаря Преображенского) характер этимологического словаря скорее общеславянского языка-основы, нежели русского языка в его современной литературной форме. Специфические восточнославянские и собственно русские слова в таком словаре затеряются среди общеславянских, словарные статьи для которых будут в такой же степени неотъемлемой принадлежностью этимологических словарей польского, болгарского, чешского, сербскохорватского и других языков, как и этимологического словаря русского языка.

Все это значит, что словник нового этимологического словаря должен состоять из слов активного словарного запаса современной литературной лексики, независимо от их происхождения и времени появления в русском языке. В качестве заглавных слов в нем должны выступать не только общепародные слова общеславянского происхождения и ранние заимствования, но и восточнославянские, и собственно русские слова, и позднейшие заимствования.

Таким образом, в этимологическом словаре словообразовательно-исторического характера будут объясняться все слова, требующие этимологического анализа безотносительно к тому, что они представляют собой по структуре (не только корневые, но и производные), а также по происхождению и времени появления (не только исконно русские, но и заимствованные; не только общеславянские, но и восточнославянские и собственно русские). Ограничение материала, отбор объясняемых слов должен идти не по этим линиям, а по другой — по отнесенности слов к лексике современного русского литературного языка. В новом этимологическом словаре должны объясняться в основном только такие слова, которые являются фактом современного словопользования².

В соответствии с этим словник нового этимологического словаря будет

¹ Непоследовательность Фасмера в этом отношении может быть проиллюстрирована следующим примером подачи в его словаре заимствованных слов. Фасмер, стремясь дать реально-историческую картину происхождения в русском языке слов *адрес* и *адресовать*, *шляхта* и *шляхтич*, *граф* и *графиня* и т. д., заимствованных в русский язык в виде целых единиц (ибо слова *адресовать*, *шляхтич*, *графиня* являются мнимыми русскими производными от слов *адрес*, *шляхта*, *граф*), посвящает каждому из этих слов отдельную словарную статью. Однако рядом в его словаре при слове *гуманизм* нет слова *гуманность*, при слове *аплодировать* нет слова *аплодисменты*, при слове *диктовать* нет слова *диктант*, при слове *беллетрист* нет слова *беллетристика* и т. д.

² Это, естественно, никоим образом не отменяет обязательного диахронического характера этимологического исследования с привлечением — для выяснения происхождения того или иного слова — фактов разных языковых систем и эпох.

противопоставлен словнику словаря Фасмера, «максималистскому» и разнородному. В словаре Фасмера приводится в качестве заглавных очень много слов, которые или не входят сейчас и никогда не входили в лексическую систему русского языка (*горловщина, надуванция, муму, гутмор-ген, бродери англес* и др.), или являются давно исчезнувшими словами древнерусского языка (*узлище, фарауз, фюфудия, филактирия, стафиль* и т. д.), или представляют собой диалектизмы узкой сферы бытования (*ширабурки, чеклак, хизь, мурдать, шихворост, ягарма* и т. п.). Общеупотребительные слова общенародного характера теряются в нем среди подобных слов. «Максималистский» характер словника словаря Фасмера ведет к тому, что в него включаются факты различных эпох и систем, в этимологическом словаре современного русского литературного языка совершенно ненужные. Напротив, многие из таких слов, «без которых вообще невозможно себе представить современный русский литературный язык»¹, в словаре Фасмера не объясняются. На букву *в*, например, в нем отсутствуют такие слова, как *вазелин, вариант, вдохновение, вдребезги, велюр, венчать, веранда, вербена, версия, верхотура, вестибюль, вечерять, вигвам, виконт, витиеватый, вольготный, воочию, воскресать, впредь, втемляшить, вулкан* и т. д.

В противоположность словарю Фасмера в словнике этимологического словаря словообразовательно-исторического характера не должны быть не только так называемые потенциальные слова, не входящие и не входившие в лексическую систему (индивидуально-художественные образования контекстного употребления, не освоенные варваризмы и т. д.), но и узко специальные термины, а также диалектизмы и устаревшие слова. Максималистский характер словника должен быть, таким образом, подчинен требованию строгого расчленения фактов языковой системы и индивидуально-группового употребления и фактов разных эпох и систем².

В словаре следует толковать прежде всего слова современной литературной речи. Из устаревших и диалектных слов в качестве заглавных следует включить лишь такие, которые с определенными художественно-выразительными целями используются писателями до сих пор и в силу этого являются в известной степени словами современной литературной лексической системы, т. е. слова типа *кочет, оброть, гуторит, закута, понева* и т. д. (из диалектизмов) и *ланита, стогны, буже* в значении «если», *зело, кольчуга, алтын, дяк, боярин* и др. (из архаизмов и историзмов). Что касается диалектизмов узкого употребления и давно устаревших слов, не употребляющихся в художественной и публицистической литературе XIX—XX вв., то этимологическое объяснение подобных слов лучше всего дать отдельно в специальных словарях. Естественно, что этому должно предшествовать создание толковых словарей древнерусской и диалектной лексики.

В силу своей специфики в качестве заглавных слов не должны входить в словарь, а должны этимологизироваться в отдельных работах (например, «Этимология ономастики русского языка») также факты топонимии и антропонимии, непоследовательно включаемые в словарь Фасмером. Такой принцип отбора слов для словника позволит дать этимологическое объяснение слов, составляющих определенную лексическую систему.

¹ В. Р. Кипарский, [рец. на кн.:] M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, ВЯ, 1954, № 5, стр. 132.

² С этим не согласен О. Н. Трубачев (указ. соч., стр. 65). Однако в противном случае этимологический словарь утратит необходимый для него реально-исторический характер. Это (противореча себе) правильно отмечает относительно словаря Бернекера, между прочим, и О. Н. Трубачев: «Отсюда следует, что на общее число слов в словаре Э. Бернекера (2658) приходится 1278 поздних заимствований, т. е. словарь почти наполовину занят словами, не имеющими никакого отношения к общеславянской лексике. Разумеется, это анахронизм, который трудно извинить даже мотивами объединения всех этимологий в одном справочнике» (стр. 61).

В определении словника нового этимологического словаря русского языка (как и специфики его словарной статьи) можно ориентироваться на практику составления этимологических словарей отдельных романских языков (например, латинского Вальде, французского Гамильшгеа, Вартбурга и др.), когда «романский этимологический словарь не повторяет материала и методов латинского этимологического словаря, а французский или испанский этимологические словари в свою очередь не повторяют, как правило, материалов романского этимологического словаря. Каждый из них занимается своей этимологической проблематикой»¹. Как правильно отмечает О. Н. Трубачев, «в частности, это должно выражаться в определении соотношений между общеславянским этимологическим словарем и этимологическим словарем отдельного славянского языка»². Возможен и нужен также этимологический словарь общеславянского языка, в словник которого войдут все известные нам слова, употребившиеся в общеславянском языке-основе: как существующие и сейчас в славянских языках, так и уже потерянные отдельными славянскими языками. Однако это — дело будущего, о чем совершенно правильно говорил еще А. Мейе в своей рецензии на словарь Бернекера: «Этимологический словарь должен, чтобы быть полезным, показывать собственную историю каждого слова в каждой группе; этого можно достигнуть только в словаре, посвященном каждому языку... И когда будут готовы все эти частные словари, словарь общеславянского языка приобретет такую точность, которая сейчас недостижима»³.

Нельзя поэтому не присоединиться к словам О. Н. Трубачева о том, что «наиболее реальной вообще, а на данном этапе — просто необходимой является форма полного этимологического словаря для каждого из важнейших славянских языков в отдельности»⁴.

3. Структура словаря: задачи этимологического анализа, принципы этимологизирования, содержание и построение словарной статьи

Содержание и построение словарной статьи в этимологическом словаре обуславливаются по преимуществу тем, что вкладывается в понятие этимологии и как тем самым понимается этимологический анализ слова. Так как задача этимологии «заключается в том, чтобы определить формальный материал, использованный тем, кто первый создал слово, и то понятие, которое он хотел выразить этим словом»⁵, то этимологический анализ (когда это возможно) должен вести к выяснению реального происхождения слова в данном языке.

В соответствии с этим этимологический анализ в первую очередь должен давать ответ на вопрос, исконно или заимствовано данное слово, когда, на базе какого именно слова и при помощи какого способа словообразования оно возникло. В зависимости от характера слова (времени его появления, морфологической структуры и т. д.) такой этимологический анализ может принимать вид то ближней этимологии⁶, то дальней этимологии, в последнем случае с широким привлечением новейших данных сравнительно-исторического индоевропейского языкознания (ларин-

¹ О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 62.

² Там же.

³ A. Meillet, [рец. на кн.:] E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, «Rocznik slawistyczny», t. II, 1909, стр. 59.

⁴ О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 71.

⁵ В. Пизани, *Этимология*, М., 1956, стр. 70.

⁶ О ней см. в нашей статье «Этимологический анализ слова», «Р. яз. в шк.», 1956, № 4.

гальной гипотезы, теории структуры морфологических частей индоевропейского слова и т. п.).

Этимологический анализ не всегда, однако, может привести к выяснению реального происхождения слова (ср., например, характер этимологии слова *площадь* и слова *три*). Лингвистическая археология древних по происхождению слов нередко дает возможность установления лишь генетических связей слова, а не его происхождения. «Сплошь и рядом нам удастся только довести генетические связи слова до определенного предшествующего этапа (скажем, до языка-основы), не раскрывая до конца, „почему и откуда“ оно возникло»¹.

Специфика славянской этимологии не может быть резко противопоставлена специфике романской этимологии. «Коренного отличия романской этимологии от славянской», о которой говорит О. Н. Трубачев, на деле не существует. «Отсутствие сколько-нибудь принципиальных различий между словарем Э. Бернекера и словарями отдельных славянских языков», в частности того, что «новый русский этимологический словарь М. Фасмера в принципе уделяет почти не меньше, чем словарь Э. Бернекера, внимания общеславянским сравнениям и индоевропейской этимологии»², объясняется не объективными причинами (спецификой славянского языкового развития в отличие от романского), а субъективными (следованием установившимся этимолого-лексикографическим традициям).

Подлинно научное этимологизирование без учета наличных и существовавших словообразовательных моделей и типов (как и закономерностей фонетических соответствий и семантических переходов и исторических данных) невозможно. Изолированный анализ слова вне того структурного разряда, к которому оно принадлежит, всегда может повести (вместо раскрытия реальной этимологии) к умственной эквилибристике и несближаемым сближениям. Приведем два примера.

В словарной статье, посвященной глаголу *будоражить*, Фасмер ограничивается тем, что указывает родственные этому слову образования (параллельную форму глагола с *т* — *бутаражить* и соотносительное существительное со значением действующего лица — *бударага*) и отмечает мнение А. А. Шахматова о большей древности формы с *т* и возможной связи ее со словами *буторга*, *куторга* «шум» и *торгать* «рвать, дергать». Затем следуют примеры из «Смоленского словаря» В. Добровольского с *у* вместо *о* (*взбудуражить*, *взбугуражить*) и помета «unklar», которую можно отнести как к только диалектным формам, приводимым Добровольским в качестве смоленских, так и ко всему вопросу о происхождении слова *будоражить* в целом³.

Словообразовательный анализ языкового материала не позволяет интерпретировать слово *будорага* как родственное слову *буторга*. Хотя слово *буторга*, в принципе, и может быть приставочным образованием на базе отглагольного имени *торга* (ср. диалект. *змарь* — *бухмарь*), однако ясно, что не оно послужило образующим словом для этимологизируемого глагола. От слова *буторга* может и должен был бы образоваться лишь глагол *буторжить*.

Связи и соотношения глагола *будоражить* и существительного *будорага* показывают, что глагол *будоражить* является отменным и образован при помощи суффикса *-ить* от существительного *будорага*⁴, подобно глаголам *тревожить* (от *тревога*), *скалыжить* (от *скалыга*), *бродяжить* (от *бродяга*), *скорняжить* (от *скорняга*), *портняжить* (от *портняга*) и т. д.

¹ В. И. Абаев, О принципах этимологического словаря, ВЯ, 1952, № 5, стр. 57.

² О. Н. Трубачев, указ. соч., стр. 63.

³ REW, Bd. I, стр. 236.

⁴ В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, М., 1935, стр. 138.

Что касается слова *будорага*, то оно представляется одним из довольно многочисленных отыменных образований с суффиксом *-ага* (*-яга*). Возникло слово *будорага*, по всей вероятности, на основе ныне вышедшего из употребления слова *будор* со значением «тревога, волнение, суета, шум» (ср. литер. *говор*, диалект. *гутор*, от которого *гуторить*, *Гуторов*; *бусор* «хлам, дрянь, сор»¹ и т. д.).

Существительное *будор* < *бодурь*² является производным с суффиксом *-ор* от слова *боудь* (соотносительные глаголы *бѣдѣти*, *боудити*; ср. диалект. *буд*, антропонимическое *Буд*: *Данилко Буд*, *Харитонко Буд*, *Богдан Будько* и т. д.³). Наиболее вероятное значение слова *боудь* «тот или то, кто или что будит, заставляет бодрствовать» (ср. слово *варь* к *вьръти* «то, что варит, заставляет кипеть»).

Другой пример. Этимология слова *чепуха* до сих пор считается неустановленной. Фасмер по поводу происхождения этого существительного пишет лишь следующее: «Чепуха, бессмыслица, глупость». Неясно. Едва ли как **če-rucha* к *пучнуть* „разбухать“, также не **тище* „пустой“ (против Горяев ЭС 410)⁴. Справедливо сомневаясь в правильности объяснения Горяева, Фасмер сам ограничивается, однако, одной констатацией ункларности соответствующего слова.

Между тем анализ слова *чепуха* как определенного звена словообразовательной цепи в ряду родственных и однотипных по структуре и значению слов позволяет дать, как нам кажется, весьма вероятную этимологию этого слова. Вполне возможно, что существительное *чепуха* образовано при помощи суффикса *-уха*⁵ от несохранившегося в языке слова *чеп* «щеп» (из **кера*), родственного слову *щеп* (из **skepa*, ср. *щемить* — *оскомина*, *щель* — *скала*, *щадить* — *скупный* и т. д.). Однокорневые **кера* (> *чеп*) и **skepa* (> *щеп*) отличаются друг от друга так же, как *кора* и *скора* и т. п.

Старое значение слова *чепуха*, соотносительное с семантикой слова *щеп*, наблюдалось у него еще в XVIII в. (ср. пример, приводимый Б. М. Ляпуновым из «Краткого описания путешествия по северным морям» 1754 г.: «Льды от ветру в *чепуху* разбиваются»). Кстати, подобное развитие значения наблюдается и у синонимического слова *взор*, первоначально обозначавшего «стружки, сор».

Этимология слова должна носить реально-исторический характер. Для этого этимологический анализ должен строиться на данных исторического словообразования и исторической лексикологии с широким привлечением, если это необходимо, диалектных и сравнительных данных. Особенно следует подчеркнуть большое значение для этимологии исторического словообразования (даже для слов с прозрачной этимологической структурой). Поскольку слово представляет собой единицу, обладающую той или иной словообразовательной структурой, при научном этимологизировании оно обязательно должно быть поставлено в к а к о й - л и б о

¹ Слово *бусор* (см. В. Даль, т. I, стр. 147) образовано ст существительного *бус* «мелочь, сор, хлам» при помощи суффикса *-ор*. По мнению Даля (там же), именно оно дало позже общеупотребительное в русском литературном языке слово *мусор*: «б передко переходит в м». Такая этимология слова *мусор* является более вероятной и привлекательной (кстати, она в известной степени была поддержана Преображенским; см. его «Этимологический словарь русского языка», т. I, стр. 571), нежели та, которая выдвигается, в сущности, вслед за Горяевым, Фасмером (REW, Bd. II, стр. 179), так как она устраняет трудности объяснения отсутствия этого слова в других славянских языках.

² О существовании более ранней формы *будор* свидетельствует ее видоизменение с т на месте этимологического *д*, зафиксированное В. Далем в курских говорах со значением «шум, гам, крик» (т. I, стр. 147).

³ Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903, стр. 73.

⁴ REW, Bd. III, стр. 317.

⁵ Ср. с тем же суффиксом слово *шелуха*, родственное словам *шелудивый*, *выголо-стить* и т. д. По-другому объясняется это слово у Фасмера. см. т. III, стр. 389.

словообразовательный ряд. Это, собственно говоря, должно быть основным правилом этимологии-ческого анализа. Оно определяет также и еще одно чрезвычайно важное обстоятельство: этимологизируя слово, необходимо учитывать последовательность происходящих в языке словообразовательных процессов. Неверно, определяя происхождение слова, сразу связывать его с корнем или с одним из родственных слов, опуская промежуточные звенья¹. В связи с этим совершенно понятно, что будет явно недостаточным для этимологии, например, слов *дороговизна*, *оглашенный*, *сегодня-дуралей*, *ротозей*, *золотарь*, *подозрительный*, *окаанный*, *укокошить*, *спра*, *ведливый* и т. п. одно указание того, что соответственно они относятся к словам *дорогой*, *голос*, *день*, *дурь*, *рот*, *золото*, *зреть*, *каять*, *кокать*, *правый* и пр. (как это делается Преображенским). Ведь такое указание не объясняет, как и когда эти слова возникли в русском языке, какие словообразовательные средства для их образования были использованы.

То же можно сказать и о довольно часто встречающейся у Фасмера латинической отсылке к соответствующему корню (ср. *разлад* — *siche lad*, *должность* — *zu долг*, *чертышаться* — *zu черт*, *опростать*, — *zu прост*-*той*, *ловля*—*vgl. лов*, *насос*—*s. сосать*, *различный*—*zu лик*, *лицо*, *перила*—*zu переть* и мн. др.). Особенно неудовлетворителен такой прием при толковании слов, в которых объяснению подлежит не корень (его мы ясно чувствуем и совершенно свободно определяем и так!), а выделяемые в настоящее время служебные морфемы, способ словообразования или характер и причины связи производного и производящего слова (ср., например, слова *мерзавец*, *косынка*, *вилок*, *дурында*, *близнец*, *потребный* и т. д., в словаре Фасмера лишь отнесенные к родственным словам *мерзкий*, *косой*, *вить*, *дуриной*, *близ*, *требовать*)². Естественно, что никак не может быть принято и его объяснение, сводящееся к одному лишь слову «unklar» или «dunkel» (*сбондить*, *лодыга*, *бирюльки*, *бушлат*, *смонуть* и т. д.).

По содержанию словарная статья должна носить характер конкретного объяснения действительного происхождения данного слова в русском языке, а не абстрактного возведения его к корню (иногда весьма гипотетичному). Естественно, что для этого словарная статья должна не только содержать необходимый материал, но и иметь четкую и постоянную структуру.

Словарная статья в новом этимологическом словаре может строиться по следующей схеме: 1) заглавное слово, требующее объяснения его этимологии; 2) прямое номинативное значение заглавного слова, если это необходимо (т. е. если заглавное слово имеет омонимическое, является устаревшим или диалектным и т. д.); 3) указание на исконный или заимствованный характер; 4) указание времени появления в русском языке (с той степенью точности, какая здесь будет возможна); 5) для исконно русских слов восточнославянского происхождения — параллели из украинского и белорусского языков, для исконно русских слов общеславянского происхождения — параллели из славянских языков, для исконно русских слов индоевропейского происхождения — параллели из славян-

¹ Ср. в словаре Фасмера: *завидовать* к *видеть* (т. I, стр. 437), хотя это слово образовано от слова *завида* (Срезневский, т. I, стр. 900); *держаса* к *держать* (стр. 343), хотя это слово образовано от существительного *держа* (Даль, т. I, стр. 443); *немтовать* к *немой*, хотя это слово образовано от слова *немта* (см. Н. М. Тупиков, указ. соч., стр. 283); ср. *лента*, производным от которого является существительное *лентай*, и т. д.

² Об этом совершенно справедливо, в частности, говорится в «Замечаниях об этимологических исследованиях славянской лексики» Ф. Славского: «Не может теперь уже быть достаточной одна констатация идентичности корня в двух сравниваемых словах... Нужно постараться показать отношение суффикса к корню, охарактеризовать функцию суффикса и дать объяснение со стороны семантики» (сб. «Z polskich studiów slawistycznych. Prace język. i etnogen...», 1958, стр. 100).

ских и других индоевропейских языков, для слов заимствованных — непосредственный язык-источник (с указанием дальнейших, если они имеются); 6) указание на то, как, при помощи чего и от какого именно слова образовано объясняемое, а для заимствованных также и определение характера переоформления при поступлении в русский язык; 7) краткая аргументация, почему дано именно такое объяснение, а не какое-либо другое (если это объяснение не является единственным); 8) указание на старое значение, если оно резко отличается от современного (с соответствующими параллелями из других языков); 9) заслуживающие внимания этимологии, если слово имеет необщепринятую этимологию, с соответствующими ссылками библиографического характера (исключая явно ошибочные и устаревшие); 10) нужные отсылки на словарные статьи, в которых объясняются слова того же самого корня.

После указания, на базе какого слова (а если соответствующее слово не будет обнаружено — какого корня) и при помощи каких словообразовательных средств возникло толкуемое слово, отдельно должна отмечаться его гипотетическая праформа, восстановленная путем реконструкции, если слово появилось в языке в дописьменную эпоху. Для слов, возникших в русском языке или поступивших в него в письменный период развития, указание времени появления слова может сопровождаться или (когда невозможно даже приблизительное определение времени появления) заменяться по примеру словарей Славского, Мейе — Эрну и др. указанием на первую известную нам фиксацию слова в письменных памятниках или словарях. Время появления слова в русском языке может указываться с различной степенью точности. Пометы «общиндоевропейское», «общеславянское», «собственно русское» указывают на эпохи. Кроме них, есть и более точные пометы (например, «в Петровскую эпоху», «в XI в.», «во второй половине XIX в.» и т. д.). Наконец, в отдельных случаях может называться и автор слова.

Если слово исконно русское, это может особо не отмечаться: «общеславянское» значит исконно русское слово общеславянского происхождения, «собственно русское» значит исконно русское слово, появившееся в русском языке в эпоху раздельного существования восточнославянских языков, и т. д. Если слово заимствованное, это должно отмечаться особо.

Характер словарных статей в новом этимологическом словаре можно проиллюстрировать следующими примерами.

зима. Слово общиндоевропейское: укр. *зима*, белорусск. *зіма*, ст.-слав. *зима*, болг. *зима*, сербско-хорв. *зима*, словен. *zima*, чеш. *zima*, словацк. *zima*, польск. *zima*, в.-луж. *zuma*, н.-луж. *zuma*, полабск. *zaima*, литов. *žiemà*, латыш. *žait*, прусск. *semo*; санскр. *himāh*, *hemantāh*, авест. *zimō* (род. п.), греч. *χίμα*, алб. (сев.) *dimeh*, алб. (южн.) *dimer*, лат. *hiems*, арм. *jmeñ*, др.-валл. *gaem*, хет. *gimmanza*.

Общесл. **zima* восходит к общиндоевропейскому **ǵheim* «зима». Первоначальным значением последнего обычно считается (в связи с его родством с греч. *χίμα* «снег», арм. *jim* «снег») «время снега».

Основную литературу см. у Фасмера (т. I, стр. 456), Преображенского (т. I, стр. 251) и Трубачева (в статье «Славянские этимологии», ВСЯ, вып. 2, М., 1957, стр. 29). Иное и с исторической точки зрения более приемлемое объяснение — в указ. статье Трубачева. По его мнению, общиндоевропейское **ǵheim* является суффиксальным образованием (с суффиксом *-men*, *-mē*) от глагола **ǵhei* «идти» (о дожде). Ср. хет. *ḫeiai* *ḫeiaia* «идти» (о дожде), *ḫeiz* «дождь». В таком случае древнейшее значение общиндоевропейского **ǵheim* «зима» — «время дождей». Значения «снег» слов *χίμα*, *jim* и т. п. объясняются как вторичные (дождь > снег).

пакость. Слово общеславянское: диалект. *пакость*, укр. *пакість*, белорусск. *пакосць*, ст.-слав. *пакость*, болг. *пакост*, сербско-хорв. *пакѣст* «злость», словен. *pākost* «гадость», чеш. *pakost'*, польск. *pakość*, в.-луж. *pakosć*, н.-луж. *pakosć*.

Образовано, по-видимому, при помощи приставки *pa-* от существительного **kost* «скверна» (ср. *паморос*, *пажить*, *паклен* и т. п.). Общеславянская праформа **pakostь*. Так это слово объясняет Даль (т. III, стр. 10), приводя в качестве родственных: *костной* «пакостной, мерзкий, гадкий», *касть* «мерзость, вред, гадость, грязь, убыток», *костить* «гадить», «поносить», «марать», «грязнить», *костенок*, *кошенок* «пакостник», *кошун* и др. Похожее объяснение у Соболевского (ЖМНП, 1886, сентябрь, стр. 152; «Лингв. и археол. наблюдения», вып. III, 1914, стр. 20). Суц. **kostь* (сохраняющееся также в *кошунство*, *костить*), вероятно, образовано при помощи суффикса *ъ* (>ь)

от прилагательного **kostъ*, давшего также — со вторичным суффиксом прилагательности *-ънъ* — слово *костыни* (см. выше), подобно прилагательным *блѣдъ*, *скѣдъ*, *жѣдъ* и пр., на основе которых возникли слова *блѣдный*, *скѣдный*, *жѣдный* и т. п. [ср. санскр. *kaṣṭas* «дурной, злой», приводимое в словаре Горяева (Тифлис, 1896, стр. 165)].

Менее вероятно (по семантическим и словообразовательным причинам) объяснение *накомъ* как суффиксального существительного (с суффиксом *-омъ*) от наречия *накъ*, *наки*, *нако* «обратно, опять, наоборот», поддерживаемое Миклошичем (EW, стр. 224), Меие («Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave», Paris, 1902—1905, стр. 283), Брандтом (РФВ, 18,7), Преображенским (т. II, стр. 303) и Фасмером (т. II, стр. 303). Явно ошибочно сближение слова *накомъ* с греч. *ἀσκήδις*, гот. *skafjan*, ново-в.-нем. *Schaden*, прл. *scathaim* (Младенов, стр. 408). См. *костить* и *кощичество*.

забор. Слово собственно русское. В памятниках фиксируется с XVI в. Образовано при помощи суффикса *-ъ* от глагола **zaboriti*, возникшего как префиксальное производное к **boriti* [совр. *бороть(ся)*, (*по*)*бороть*]. *Забор*, таким образом, то, что защищает, ограждает (ср. др.-русск. *забороло* «деревянная городская стена, деревянный забор на валу», производное от того же слова **zaboriti* посредством суффикса **-dlo*). С семантико-словообразовательной точки зрения представляется неправомерным весьма распространенное сравнение слова *забор* непосредственно с литов. *bāras* «часть поля, которую жнец сжинает за один раз», лат. *forus* «проход между грядками», *feriō*, *ire* «ударять, бить», др.-нем. *bara* «огороженный участок земли», ср.-в.-нем. *bar* «отрада», греч. *φάρος* «кусочек земли, борозда» (см. Бернекер, т. I, стр. 76; Мюленбах — Эндзелин, т. I, стр. 265; Вальде — Гофман, т. I, стр. 537; Торп, стр. 261), хотя эти слова, вероятно, по отношению к разбираемому в самом деле являются родственными. Неверно отнесение Покровским и Грюненталем (см. Фасмер, т. I, стр. 435—436) слова *забор* к производным от глагола *забирать*. См. *забрало*, *бороться*.

жеманный. Слово собственно русское. В словарях отмечается с XVIII в. Образовано при помощи суффикса *-ный* от *жеман* «жеманный человек», ныне из литературного употребления исчезнувшего (см. «Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. Наук», т. II, вып. 1, стр. 333). Сущ. *жеман* (ср. диалект. *жеманка*, *жеманиха*) является производным — посредством суффикса *-ан* — от слова *жем* «ломание, модничанье, скупость», деривата от глагола *жеться*. См. *ужимки*, *жать*.

ревение. Заимствовано русским языком из старославянского. В последнем образовано от прилагательного *рьвѣи* при помощи суффикса *-ие*¹. Явно ошибочно объяснение происхождения этого слова Фасмером (т. II, стр. 499) как производного от глагола *реати*, от которого было бы *реание* (ср. русск. *реанье*).

валторна. Пришло в Петровскую эпоху из польского языка (*waltornia*). В последнем является переоформлением заимствованного из новонемецкого языка слова *Waldhorn*. В немецком языке слово *Waldhorn* возникло путем словосложения (*Wald* «лес» и *Horn* «рог») и первоначально обозначало охотничий рог. Предполагаемое Фасмером (т. I, стр. 167) непосредственное заимствование из новонемецкого не может быть принято. Как звуковая оболочка (отсутствие *h*) и ударение слова, так и его принадлежность к существительным жен. рода говорят о польском посредничестве.

площадь. Вероятнее всего, заимствовано русским языком из старославянского. В последнем *плоштадъ* восходит к греч. *πλατεῖα* непосредственно в форме им. пад. мн. числа *πλατεῖδες* (ср. аналогичное в словах *свекла*, *скамя*, *библия* и т. п.). Греч. *πλατεῖα* представляет собой жен. род к *πλάτος* «широкий». Объяснение слова *площадь* как славянского образования при помощи суффикса *-ѣдъ* или *-ѣдь* от прилагательного *плоск(ий)* (см. Вондрак, VSG, т. I, 2-е изд., стр. 655; Миклошич, EW, стр. 252; Селищев, Старославянский язык, ч. II, 1952, стр. 74; Булаховский, Деэтимологизация в русском языке, «Труды ИРЯЭ», т. I, 1949, стр. 164; Фасмер, т. II, стр. 376 и т. п.) наталкивается на большие трудности (см. Пизани, Этимология, М., 1956, стр. 167—170). В свете принятой этимологии сближение слова *площадь* с прилагательным *плоский* является вторичным.

предрассудок и предрассуждение (то же, что и *предрассудок*). Словообразовательные кальки французского слова *préjugé*. Возникли в русском литературном языке во второй половине XVIII в. По мнению В. В. Виноградова, оба слова были введены в русский язык, вероятно, Сумароковым («Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», 1938, стр. 152). (См. также В. Unbegaun, Le calque dans les langues slaves littéraires, RÉSIL, t. XII). Во французском языке сущ. *préjugé* — производное от глагола *préjuger* «судить заранее, предпретать».

целесообразный. Словообразовательная калька немецкого прилагательного *zweckmäßig*. Укрепляется в русском языке в 30—50-х годах XIX в. См. Унбеган («Le calque dans les langues slaves littéraires», RÉSIL, t. XII) и В. В. Виноградов («Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», стр. 336). Фасмер (т. III, стр. 287) возводит это прилагательное к общеславянскому *цѣло* — *цѣлесе* «благо, благополучие» и *образ*. Неверно, так как он не учитывает ни характера сложения, ни значения слова, ни факта отсутствия его вплоть до XIX в.

¹ Между прочим, от этого же прилагательного образованы слова *ревность*, *ревновать*, др.-русск. *рьвьство*, *рьвьн* (откуда — *ревнивый*).